

В жизни Чжэнь Вэньцзюнь было два года, ставших шрамами, врезавшимися в её кости, и забыть которые было невозможно. Девятый год Шэньчу был одним из них.

Короткая пора золотой осени ещё не успела подойти к концу, а на едва успокоившихся северных рубежах вновь запылали пожары войны.

Государство Чунцзинь, копившее силы более полугода, объединилось с тремя другими варварскими племенами Ху и обрушило на границу мощный, сокрушительный удар.

Положение на северном фронте было критическим. Военные сводки, доставлявшиеся три дня подряд, не просто заставили Ли Цзюя, чей внутренний раскол так и не был преодолен, помрачить лицом, но также они погрузили весь двор Великой Юй в пучину глубокого страха и тревоги.

Двинувшиеся в масштабный поход четыре варварских племени наступали неудержимой лавиной. Возглавлявший оборону губернатор Го Жу не смог продержаться и десяти дней. Три округа, которые с таким трудом удалось отвоевать ранее, вновь перешли в руки Чунцзиня. Войско Го Жу под натиском свирепых варваров дрогнуло и обратилось в бегство без единого боя. Ворота крепостей распахнулись настежь, сам Го Жу попал в плен, и его голову варвары жестоко отсекли, превратив в ночной горшок для чунцзиньского вождя. Три округа подверглись чудовищной, кровавой резне, в которой женщин угнали в лагеря на поругание солдатам, а малолетним детям поотрубили носы, дабы растить из них покорных рабов.

Всего за два месяца победоносная конница Чунцзиня, подобно пущенной стреле, насквозь пробилась сердце северных земель Великой Юй. Всё на её пути предавалось огню и мечу, и повсюду до самого горизонта стлался густой дым пожарищ.

Стоило врагу переправиться через реку Хэншуй и сокрушить заставу Цяньхай, как падение Жунина стало бы лишь вопросом считанных дней. Прежде оборонявший Цяньхай сын Се Фучэня, Се Чанлю, из-за причастности к недавнему громкому делу о государственной измене оказался в крайне двусмысленном положении и был заблаговременно лишён воинской власти. Ныне застава осталась без верховного командующего. Похоже, вождь Чунцзиня располагал какими-то тайными донесениями, поэтому он не пошёл ни по одной другой дороге, а двинул войска строго на Цяньхай, очевидно, посчитав, что этот рубеж сломать будет проще всего.

Се Чанлю, надо отдать ему должное, выказал доблесть истинного мужа. Пусть в его руках и не было официальных полномочий, он собрал три тысячи воинов из личной гвардии и верных ветеранов и нанёс варварам сокрушительный удар с тыла. И хотя все они до единого пали смертью храбрых на поле боя, этот внезапный выпад застал Ху врасплох и помог на время удержать Цяньхай. Однако, если варвары подтянут свежие силы и возобновят штурм, падение заставы останется лишь вопросом времени.

В этот предсмертный час ни у кого на душе не могло быть покоя, ведь гибель государства казалась неотвратимой и близкой как никогда.

В начале зимы в Жуnine несколько осенних дождей принесли резкое падение температуры. На утренней аудиенции министры и советники сцепились в яростном споре о заключении мира, и брызжущий слюной шаншулин Янь Чжэнь, яростно ратующий за перемирие, с ног до головы оплевал Чжансунь Яо, который непреклонно стоял за продолжение войны.

Янь Чжэнь высоко, к самому небу, поднял сложенные ладони и громогласно вещал:

- Великая Юй ведёт непрекращающиеся войны с варварами год за годом! Погибшим воинам

нет числа, а искалеченных насчитывается десятки тысяч! Они не способны больше ни воевать на передовой, ни пахать землю в тылу, а казне приходится выделять колоссальные средства на их содержание. Ежегодные траты на эти нужды вконец истощили государственные хранилища. Ныне простой люд стонет от лишений, казна пуста, у нас нет ни золота, ни провианта, ни свежих рекрутов! Позвольте спросить, чем Великая Юй собирается воевать? Неужели многоуважаемый шаофу лично облачится в доспехи и ринется разить врагов на передовую?!

Чжансунь Яо лишь презрительно взмахнул широким рукавом и, отвесив лёгкий поклон в сторону Сына Неба, твёрдо произнёс:

- Ваше Величество, в этой битве мы обязаны стоять насмерть, о мирных переговорах не может быть и речи! Варвары испокон веков славились своей алчностью, вероломством и коварством. Даже если мы подпишем с ними мирный договор, где гарантия, что они не расторгнут его в тот же миг, предав наши соглашения? Неужели Ваше Величество позабыл о том позоре, когда была зверски убита лично Вами наречённая принцесса Дэму? В тот раз мы со всей искренностью и чистым сердцем шли на мир с Чунцзинем, и чем всё закончилось? Если сегодня мы вновь пойдём по пути уступок, откуда нам знать, что мы снова не совершим ошибку? - с этими словами Чжансунь Яо слегка повернулся к Янь Чжэню и с леденящей насмешкой добавил:

- Если мы действительно начнём переговоры с Чунцзинем, как предлагает господин Янь, боюсь, в конце концов всё будет напрасно! К тому же, с чего это вдруг у Великой Юй нет войск? Разве 100 000 элитных солдат под командованием сыма Се просто украшение?! А что насчёт других племён Ху после переговоров с Чунцзинем? Неужели они не продолжают терзать наши границы? В конце концов эти ненасытные дикари по кусочку растащат и сожрут всё наше государство! И тогда ты! - Чжансунь Яо ткнул пальцем прямо в нос Янь Чжэню, и его взор сверкнул яростным блеском:

- Ты прослывёшь в веках главным грешником, который привёл Великую Юй к падению!

- Чжансунь Яо, да как ты смеешь!.. - лицо Янь Чжэня пошло багровыми пятнами. С трудом сдерживая закипающую ярость, он проскрежетал зубами:

- 100 000 элитных солдат под командованием Сыма - это последняя надежда Великой Юй! И ты, Чжансунь Яо, предлагаешь поставить эту последнюю карту на кон и бросить её в пекло бойни?! Если мы потерпим поражение, Великой Юй придёт конец! А если победим, это будет страшная, пиррова победа. Как ты сам только что соизволил заметить, на Великую Юй алчными глазами взирает не одно лишь племя Чунцзинь. Чем, скажи на милость, мы станем отбиваться от остальных, когда растратим эти силы?! На кону стоит само существование Поднебесной, это не вопрос твоего личного тщеславия, триумфа или позора! Ты играешь с будущим Великой Юй!

- Прошу господина Яня умерить пыл, у Се тоже есть пара слов, которые мне хотелось бы сказать многоуважаемому шаофу, - Се Фучэнь, до этого безучастно наблюдавший за этой придворной перепалкой, не спеша сделал шаг вперёд. - Позвольте узнать, в глазах почтенного шаофу остался ли среди всей нашей многотысячной свиты министров и военачальников хоть один полководец, способный возглавить армию и на равных сойтись в сече с чунцзиской конницей? В последние годы единственным, кто мог сравниться с кавалерией Чунцзинь во главе с Тудой, был генерал Северной Стражи, который теперь пал на северной границе. Что уж говорить о Мэн Хо, сгинувшем в стенах Ханчэна, или о Го Жу, сложившем голову в песках Минша. Все они без исключения отважно бились с врагом, и даже мой собственный сын вернулся домой завёрнутым в лошадиную шкуру, честно пав в бою.

Раз у нас нет искусных военачальников, каков наш шанс на успех в этой лобовой схватке с Чунцзинем? Или многоуважаемый шаофу полагает, что Великая Юй пролила ещё недостаточно крови? Неужели вам непременно нужно, чтобы все эти сто тысяч наших сыновей и братьев тоже полегли под копытами чунцзиньских коней, и только тогда вы наконец успокоитесь?

- Слова великого сына Се воистину бьют в самое сердце шаофу! - Ли Яньи уже во второй раз в открытую, без приглашения ворвалась на утреннюю аудиенцию. Она шагнула наперерез и встала прямо перед Ли Цзюем. Выказав внешнее почтение, она отвесила правителю глубокий парадный поклон и лишь после этого твёрдо произнесла:

- Ваше Величество, я явилась сюда с единственной целью. Просить о назначении.

Ли Цзюй помрачнел лицом, ему решительно не хотелось иметь с ней дела, однако за его спиной, скрытая плотной парчовой завесой-вэйчжан, всё так же незыблемо восседала Вдовствующая Императрица Гэн. Стоило правителю обронить хоть одно неверное слово, шедшее вразрез с мыслями матери, и та мгновенно вмешалась бы в разговор, и тогда совладать с ситуацией стало бы неизмеримо труднее. Ли Цзюй не решился прилюдно отчитать Ли Яньи, а лишь с явным раздражением и досадой бросил:

- Ты Старшая Принцесса государства, но целыми днями только и делаешь, что выставляешь себя напоказ перед чужими людьми, напрочь позабыв о девичьей скромности и приличиях! И теперь ты решилась заявляться на утренние собрания двора, как к себе в покои! Ты что, перепутала Наш тронный зал со своей девичьей спальней?!

Ли Яньи лишь слегка приподняла изящную бровь:

- Ваше Величество, конница Чунцзиня уже почти стоит у ворот Жунина. Стоит врагам сломать оборону столицы, и кому, скажите на милость, тогда понадобятся ваши девичьи приличия? Если Великая Юй погибнет, то даже Вы, будучи священным Сыном Неба, обратитесь в жалкого узника в кандалах. Что уж говорить обо мне, Старшей Принцессе. Мне придётся испить чашу позора и унижений до самого дна, и такая участь будет стократ хуже смерти. Уже доходили слухи о том, с какими изощрёнными зверствами эти дикари привыкли истязать пленных ради собственной забавы. Какая горькая участь ждёт тогда принцесс и наложниц в Запретном городе, и в какую беспросветную пучину горя будут ввергнуты законные супруги и барышни в поместьях каждого из присутствующих здесь мужей? Неужели, взирая на сегодняшние кровавые ужасы трёх северных округов, почтенные господа до сих пор не способны предугадать финал?

Ли Яньи взмахнула широким рукавом, указывая на поникших и втянувших головы в плечи министров, и во весь голос отчеканила:

- Или почтенные мужи полагают, будто участь пары-тройки женщин не стоит беспокойства, а их собственные драгоценные шкуры - это единственное, что имеет значение в Поднебесной? Я напомню вам, что когда рухнет гнездо, эти самые несчастные женщины ещё сохранят в глазах врагов хоть какую-то ценность как объект для утех. А вот вы? Вас всех до единого ждёт ровно та же кара, что постигла Го Жу: ваши отрубленные головы варвары превратят в ночные горшки!

Ли Цзюй не выдержал этих речей. Он резко вскочил с драконьего трона и грубо оборвал её:

- Замолчи! Что за безумную ересь ты несёшь?! Изрекать столь возмутительные, сеющие панику и кощунственные речи прямо посреди тронного зала перед лицом Нашего двора, да где

такое видано?! На что это вообще похоже?!

Ли Яньи, вопреки своему обычному пренебрежению к фигуре императора, на этот раз покорно склонила голову, признавая оплошность:

- Слова Вашего Величества совершенно верны. Я признаю, что эти речи действительно идут вразрез с дворцовым укладом, однако в каждом моём слове кроется чистейшая правда. Ныне Великая Юй балансирует на самом краю бездны. Стоит им добраться до Жунина, и нам едва ли удастся сохранить элементарную честь и достоинство, и где уж тут будет время сокрушаться о том самом укладе, о котором соизволил упомянуть правитель. Почтенные министры до смерти боятся потерпеть очередное сокрушительное поражение на фронте, но вы все почему-то упорно забываете, что у Чунцзиня испокон веков заведено вырезать абсолютно всех сдавшихся в плен солдат!

Даже если Ваше Величество отправит им возами золотые и серебряные горы, эти ненасытные твари не остановят копыт своей железной конницы, топчущей священные земли Великой Юй! Великий сыма изволил заявить, будто у нашего государства больше не осталось способных военачальников. Я явилась сегодня к Вашему Величеству именно ради того, чтобы просить о назначении. Я, Ли Яньи, готова лично возглавить солдат Великой Юй, отправиться на передовую и прогнать чунцзиньских разбойников обратно в их бесплодные северные степи!

- Что ты сказала?! - Ли Цзюй от изумления едва не лишился дара речи. Округлив глаза, он растерянно вскричал:

- Ты собираешься лично отправиться на поле боя?!

Его испуганный, блуждающий взор тут же устремился на Се Фучэня.

Се Фучэнь даже не поднял головы навстречу взгляду Сына Неба, однако он как никто другой понимал, какие мысли и страхи в эту секунду терзали душу императора.

- Ваше Высочество, война дело суровое, это не детские забавы, и всё там устроено далеко не так просто, как рисуется в воображении почтенных дев. Начать с того, что Ваше Высочество отродясь не имели опыта командования войсками. Как вы собираетесь подчинить себе стотысячную армию и на равных противостоять железной лавине Чунцзиня? Подобный шаг сродни попытке разбить яйцо о гранитный валун, вы просто обрекаете наших верных воинов на бессмысленную и верную смерть. Во-вторых, на полях сражений клинки и стрелы не разбирают чинов, Ваше Высочество наделены священной, драгоценной плотью, как вы можете лично сойти в это пекло? Ни Его Величество, ни Вдовствующая Императрица ни в коем случае не желают, чтобы с Вашим Высочеством стряслась хоть какая-то беда. Старый слуга нижайше просит Ваше Высочество навсегда выбросить эти мысли из головы.

Ли Цзюй поспешно поддакнул:

- Сыма Се абсолютно прав! Где это видано, чтобы Старшая Принцесса государства отправлялась в пыл сражений? Как может женщина разить врагов на передовой? Чистейшей воды безумие и глупость!

Ли Яньи незамедлительно парировала:

- Ваше Величество, когда на кону стоит само существование государства и алтарей предков, не то что я, слабая женщина, ни одна живая душа среди простого люда Великой Юй не пожелает покорно согнуть шею и обратиться в раба под пятой захватчиков! Ваше Величество

никогда собственными глазами не созерцал тех краёв, что полной мерой испили чашу военных бедствий. А ведь там даже немощные старики, женщины и малые дети полны решимости стоять насмерть и до последнего вздоха биться с варварами! Что уж говорить обо мне. Я Старшая Принцесса Великой Юй, законная старшая дочь покойного императора! Неужели мне пристало трусливо прятаться в глубине Запретного города, подобно жалкой черепахе, спасающей свою шкуру?! С каким лицом я явлюсь в подземное царство к покойному отцу-императору после смерти?

Сыма изволил заметить, будто у меня нет опыта командования, и он до безумия боится, как бы я не скормила эти сто тысяч наших лучших сыновей чунцзиньским клинком, словно сочную капусту на плахе. Эти слова, безусловно, справедливы и в них есть смысл. Однако, Ваше Величество, почтенные мужи, неужели на всём необозримом пространстве Великой Юй действительно нельзя отыскать ни одного гениального полководца, способного вести войну? За примерами далеко ходить не надо, взять хотя бы родную дочь сыма Се - Се А-Синь. Эта дева редчайший, уникальный военный талант, равных которому не сыскать во всём мире! В недавней битве при Чаншуй именно она завоевала главный, решающий триумф в этом походе!

Вот только, к великому прискорбию, будучи женщиной, она так и не удостоилась заслуженных почестей и наград, а все плоды её победы за бесценок прибрали к рукам обычные бездари и ничтожества. Если бы наше государство с самого начала проявило мудрость и, отринув условности, возвело А-Синь в ранг женщины-полководца, конница Чунцзиня и на полшага не посмела бы осквернить священные границы Великой Юй!

- Ваше Высочество! - при упоминании имени А-Синь глаза Се Фучэня едва заметно сузились, а когда Ли Яньи во всеуслышание потребовала даровать девушке звание генерала, великий сыма наконец не выдержал и громогласным выкриком оборвал её пламенную, воодушевлённую речь:

- Вашему Высочеству не помешало бы помнить, что покойный император в своё время ясно изрёк, что в нашей династии женщин в ранги генерала не возводят и возводить не будут!

Лицо Ли Яньи помрачнело, но в тот же миг на её губах проступила леденящая насмешка:

- Надо же, я и впрямь позабыла об этом. Премного благодарна сыма Се за столь своевременное напоминание. Вот только с тех пор утекло слишком много воды, а в критические и судьбоносные моменты надлежит действовать сверяясь с обстоятельствами. Будь сегодня мой покойный отец-император жив, он сам без малейших колебаний назначил бы твою дочь, Се А-Синь, верховным главнокомандующим! - с этими словами она повернулась к Ли Цзюю и сделала два решительных шага к трону, буквально прижимая его к стене:

- Ваше Величество, капитуляция - это верная смерть, в то время как война оставляет нам хотя бы призрачный шанс на спасение! Пусть я никогда не вела войска в бой, но я Старшая Принцесса Великой Юй. Моё личное присутствие на передовой до небес поднимет боевой дух нашей армии! Пусть воины и простой люд Поднебесной увидят, что наш императорский род Ли готов делить с ними и победы, и поражения, вместе стоять и вместе сложить головы! А потому я нижайше умоляю Ваше Величество: возведите Се А-Синь в ранг генерала и позвольте ей вместе со мной отправиться на север, чтобы проливать кровь за Великую Юй!

Ли Цзюй услышал, как за его спиной едва слышно звякнули бусины жемчужной завесы, где Вдовствующая Императрица Гэн зашевелилась в своём укрытии.

Вдовствующая императрица Гэн сейчас, должно быть, тоже пребывала в глубоком

замешательстве, точь-в-точь как сам Ли Цзюй.

Царство Чунцзинь и четыре варварских племени вели затяжные войны с Юй уже много лет, то наступая, то отступая, однако столь свирепого и сокрушительного натиска от них не видели ещё ни разу. Недавняя яростная грызня внутри правящих кругов и без того превратила некогда монолитный двор в ветхое, покосившееся под ударами бури здание, готовое рухнуть в любой миг. И Се Фучэнь сегодня изрёк чистейшую правду: в Великой Юй ещё со времён покойного императора исчерпались полководцы, способные побеждать за счёт военной хитрости и молниеносных манёвров. К моменту же его собственного правления мужчины в пределах государства поголовно налились изнеженностью и жеманством.

Сыновья знатных семей только и делали, что предавались праздности и утехам, а «Порошок Фужун» распространился повсеместно, и Поднебесная в финале докатилась до того, что на службу нельзя было призвать ни единого толкового полководца. О дочери Се Фучэня, Се А-Синь, Ли Цзюй тоже был наслышан. Дева отличалась редкими талантами, добродетелью, в совершенстве владела боевыми искусствами и была необычайно сильна в тактике.

Но какая жалость, какая горькая жалость, что она была женщиной!

Ли Цзюй, разумеется, ни за что не мог согласиться на это требование. Если он в самом деле назначит женщину-генерала и отправит её на войну, открыв тем самым дамам путь к высшим государственным и военным постам, не раздует ли это спесь и влияние Ли Яньи до небес? Сам же он в глазах потомков прослывет нечестивым сыном, поправшим священные заветы покойного отца-императора. И как тогда грядущие историки станут клеймить и проклинать его имя на страницах летописей? К тому же, позволь он Ли Яньи отправиться на фронт, и завоюет она там в битвах великую славу и триумфы, то сердца народа и преданность армии вмиг отойдут к ней, и тогда ему останется лишь послушно, собственными руками отдать ей драконий трон. Такого исхода он боялся и не желал сильнее всего на свете.

Нет, Ли Яньи ни в коем случае нельзя пускать на передовую.

Ли Цзюй вскинул голову и, налившись внезапной, непреклонной решимостью, твёрдо посмотрел сестре прямо в глаза:

- Мы не можем возвести Се А-Синь в ранг генерала, ибо это стало бы прямым нарушением священной воли покойного императора. Но если Поднебесной нужно поднять боевой дух и сплотить воинов, то во всём мире нет более достойного и подходящего человека, чем Мы сами! Мы - Сын Неба, и в час, когда решается судьба и само существование Великой Юй, Нам надлежит лично возглавить войско и первым ринуться в бой! Ты - Наша императорская старшая сестра, а потому тебе надлежит оставаться под защитой Запретного города. На северные границы отправимся Мы!

- Ваше Величество! - Се Фучэнь и вся его фракция Цинлю в панике рухнули ниц, истошно взывая:

- Ваше Величество, это абсолютно, совершенно невозможно!

Ли Яньи и Чжансунь Яо стремительно обменялись многозначительными взглядами и в ту же секунду увлекли за собой на колени всех стоявших за ними сторонников.

Ли Цзюй созерцал распостёртых перед ним сановников и лишь горько, вымученно улыбался:

- Что значит «возможно» или «невозможно»? Если Нам и суждено сложить голову на поле

брани, то это будет смерть ради спасения алтарей предков и нашего рода Ли! Вы все в один голос твердите, будто у Великой Юй не осталось воинов, способных прогнать неприятеля. Что ж, тогда врага прогоним Мы!

- Ваше Величество, - с глубоким сокрушением и тяжестью в голосе заговорил Се Фучэнь. - Вы владыка целого государства, стержень всей страны. Если с Вашим Величеством на фронте стрясётся хоть малейшая беда, что тогда станет с Великой Юй? Молим Ваше Величество...

Чжансунь Яо, поймав предостерегающий взгляд Ли Яньи, мгновенно и бесцеремонно перебил Се Фучэня:

- Если Ваше Величество самолично облачитесь в доспехи и возглавите поход, это до самых небес поднимет боевой дух наших полков! В былые эпохи священный император У лично ходил войной на варваров-ху, а великий император Цзин наголову разгромил племена Шисю. Добродетельные и мудрые правители Великой Юй всегда лично укрощали смуты и спасали страну от гибели, пользуясь безграничным благоговением и любовью простого люда. Ныне наш Сын Неба тоже изъявил священное желание лично отправиться на передовую, и это величайшее, истинное благословение для всей Поднебесной! - Чжансунь Яо склонился, прильнув лицом к полу:

- Император проявил беспримерную мудрость и отвагу, старый слуга растроган до слёз! От лица всего простого народа Великой Юй я приношу Вашему Величеству низжайшую благодарность за эту великую милость!

Се Фучэнь несколько раз порывался перехватить нить разговора и вернуть всё вспять, однако преданные Ли Яньи министры один за другим, слаженным хором перебивали его на полуслове. Созерцая Ли Цзюя, чьё лицо всюду налилось пунцовым румянцем, а грудь высоко и часто вздымалась от крайнего волнения, великий сыма понял, что император, осыпанный столь грандиозными, громогласными комплиментами и похвалами со стороны половины двора, окончательно потерял голову от восторга и оказался в капкане, из которого ему теперь никак не выбраться.

- На самом деле Мы всё прекрасно и отчётливо понимаем, - оставшись наедине с Се Фучэнем в императорском кабинете после утренней аудиенции, Ли Цзюй принялся объяснять свои недавние действия. - Этот Наш личный поход на северные рубежи, безусловно, таит в себе немало смертельных опасностей. Однако, если Мы не пойдём, неужели Нам остаётся лишь беспомощно взирать на то, как Ли Яньи единолично приберёт к рукам преданность и сердца народа? И к тому же, с чего ты взял, что по прибытии на передовую Мы не сможем наголову разгромить и прогнать Чунцзинь? И пусть Мы с самых малых лет не получали строгого воспитания, подобающего официальному наследнику престола, Мы всё же усердно и досконально изучили военную науку. Все классические битвы с древнейших времён и до наших дней детально запечатлены в Нашей памяти!

Какая-то женщина, Ли Яньи, и та рвётся в бой ради спасения Поднебесной, так неужели Мы имеем право остаться позади неё? В этом походе Мы обязаны сокрушить Чунцзинь так, чтобы от них и мокрого места не осталось, и полностью вычистить их с земель Великой Юй! Предыдущие правители смогли совершить эти великие подвиги, так почему же Мы не справимся?

Каждое слово Ли Цзюя звучало твёрдо и веско. Однако Се Фучэнь прекрасно понимал, что правитель просто-напросто попался на удочку коварного замысла Чжансунь Яо и его приспешников. Пусть ныне Ли Цзюй официально и именовался Сыном Неба, но с самого

первого дня своего восхождения на трон он неизменно оставался безвольной марионеткой в руках Вдовствующей Императрицы Гэн, на полную меру испив чашу ядовитых насмешек и презрения как с её стороны, так и от Ли Яньи. В последние годы, пойдя на открытый раскол с матушкой Гэн, он сумел сосредоточить в своих руках часть реального влияния, однако Ли Яньи всё так же неизменно подавляла его.

Быть владыкой Поднебесной и при этом долгие годы оставаться под пятой у двух женщин... этот глубокий комплекс неполноценности вьелся в его кости до самого мозга. Он до безумия жаждал доказать всем свою силу и величие, а потому, стоило политическим врагам беззащитно и громогласно осыпать его фальшивыми комплиментами, как он мгновенно потерял голову, ослеплённый внезапным, самонадеянным тщеславием.

- Задумывалось ли Ваше Величество о том, что северные рубежи - это вовсе не Жуниин и уж точно не тихий Запретный город, охраняемый полками Цзиньувэй и гвардией Хубэнь? На полях сражений стрелы и клинки не знают пощады. Даже если подле императора неотлучно будет находиться личная стража, в миг, когда ситуация на фронте станет критической и всё смешается в хаосе войны, никакие телохранители не смогут уберечь вас от тайного удара в спину. Мысли Ли Яньи в точности совпадают с вашими, и она ни за что не позволит Вашему Величеству завоевать великую ратную славу, а потому непременно зашлёт в армейские ряды своих лазутчиков, чтобы под шумок совершить покушение на императора.

Но даже если Ли Яньи не представится удобного случая для убийства... Армия Чунцзиня в этот раз полна решимости пойти напрямик до Жунина. Если Ваше Величество, не дай бог, потерпит поражение, в чьи руки тогда перейдёт верховная власть в Поднебесной? Неужели Ваше Величество этого не понимает? - Се Фучэнь высказался настолько прямо, насколько это вообще было возможно. - Все эти речи Ли Яньи и её приспешников вовсе не искреннее желание сокрушить Чунцзинь, это чистойшей воды уловка! Молим Ваше Величество не поддаваться на обман!

- Великий сыма Се... - Ли Цзюй упёрся руками в колени и слегка подался телом вперёд, заговорив:

- Всё то, о чём изволил упомянуть сыма, разве Мы сами не обдумывали? Но задумывался ли ты сам, что когда государство стоит на краю гибели, если Мы по-прежнему трусливо останемся отсиживаться в глубине Запретного города, позволяя дикарям безжалостно вырезать народ Юй и топтать священные границы нашей родины, то какой из Нас после этого Сын Неба? И стоило бы завтра врагам сломать ворота Жунина, обрекая страну на уничтожение, а династию на крах, то с каким лицом Мы после смерти явимся к Жёлтому источнику и предстанем перед духами великих предков? Хорошо, допустим, Мы отправим на север Ли Яньи. Каких подвигов способна добиться эта женщина? До сих пор она умудрялась выживать в Жуниине исключительно благодаря тому, что её укрывала Вдовствующая Императрица! Отправься она на фронт, и шансов на успех не будет вовсе. Наш же личный поход оставляет государству хотя бы призрачный шанс на спасение.

В час, когда рушится империя, Нам надлежит ставить во главу угла интересы Нашего народа... Великий сыма Се, на то время, пока Нас не будет в Жуниине, Мы вверяем священное бремя регентства и надзора за государством лично тебе. Если же Нам не суждено будет вернуться живым из этого похода... тебе надлежит возвести на престол вана¹ Ли Суна из Хуайяня. Ли Сун - человек великого государственного таланта, и если он унаследует трон, то непременно сумеет искоренить скверну и пороки, наведя идеальный порядок в Поднебесной.

¹ 王 wáng - ван, князь.

В речах Ли Цзюя была своя веская правда. Се Фучэнь понял, что император принял окончательное, бесповоротное решение, и никакими силами его уже не вернуть назад, а потому умолк.

То, что в Великой Юй больше не осталось искусных военачальников, было правдивым и общеизвестным фактом. И в этот миг перед мысленным взором Се Фучэня внезапно всплыл образ покойного старшего сына клана Вэй, Вэй Цзысю, погибшего от его собственных рук.

Непревзойдённая храбрость Вэй Цзысю до сих пор оставалась беспримерной, и во всей Поднебесной не было ни единой живой души, способной сравниться с ним в этом искусстве. Казалось, его безупречная, абсолютная доблесть вобрала в себя все лучшие соки, что взрастила Великая Юй за последнее столетие. И с того самого дня, как его сердце перестало биться, в империи больше так и не появилось ни одного полководца, способного преданно служить престолу и не иметь равных под луной.

Неужели во всём этом правда крылась зловещая воля самих Небес?

***

- Подумать только, Ли Цзюй сам вызвался отправиться на север воевать. У нас тоже был план на этот счёт, однако в ту пору мы полагали, что у него вряд ли достанет духу пойти на верную смерть.

Вэй Тинсюй, Чжэнь Вэньцзюнь и остальные домочадцы дожидались Ли Яньи в глухом переулке прямо у стен Запретного города.

Вэй Тинсюй сидела в повозке, куда Ли Яньи быстро юркнула, и две женщины принялись вести в экипаже тайные, спешные переговоры. Чжэнь Вэньцзюнь, Линби и Сяохуа остались стоять на страже вокруг повозки.

Ли Яньи хмыкнула, и её голос прозвучал в этом пространстве тише:

- Раз уж он сам так жаждет смерти, мы лишь поможем ему её обрести. Отправится ли он на северные рубежи или предпочтёт остаться в Жунине, у нас при любом раскладе готовы ответные шаги. Вот только прямо сейчас возникла одна досадная заминка. Прежде наш уговор гласил, что если Ли Цзюй вздумает лично возглавить поход, мы зашлём в его армейские ряды своего человека, который под шумок отыщет удобный случай и... - Ли Яньи резко провела ребром ладони сверху вниз, изображая отсечение головы. - Но тот воин, которого мы тщательно отобрали и подготовили для этой миссии, недавно был коварно отравлен. Нам жизненно необходимо как можно скорее разыскать нового, на редкость смышлёного и абсолютно надёжного исполнителя.

Чжэнь Вэньцзюнь, стоявшая снаружи, прекрасно расслышала и поняла скрытый смысл слов принцессы. В её груди вспыхнул яростный, обжигающий пожар, и она, чинно сложив ладони, обратилась к сидевшим в повозке:

- Позволят ли Ваше Высочество и госпожа высказаться Вэньцзюнь?

Ли Яньи велела ей войти внутрь и плотно занавесила шёлковый полог экипажа.

Едва переступив порог повозки, Чжэнь Вэньцзюнь без ложной скромности обратилась к принцессе с нижайшей просьбой отправить на фронт именно её. Она клялась, что безупречно выполнит миссию по ликвидации Ли Цзюя.

Её матушка была зверски, бесчеловечно растерзана Се Фучэнем, и отныне они с великим сыма стали непримиримыми врагами под одним небом. Однако, принимая во внимание нынешнюю расстановку сил при дворе и то колоссальное влияние, каким обладал Се Фучэнь, вырезать весь его клан под корень сейчас казалось задачей нечеловеческой сложности. Но существовал один безупречный способ сокрушить семью Се всю и сразу. Лишить жизни самого Ли Цзюя. Стоило императору испустить дух, и забрать головы всего рода Се стало бы делом столь же простым, как выудить вещь из собственного кармана.

Ли Яньи, разумеется, была более чем довольна кандидатурой Чжэнь Вэньцзюнь. На самом деле, едва начав искать замену погибшему убитцу, принцесса сразу же сочла Вэньцзюнь наилучшим и самым идеальным вариантом из всех возможных. Вот только миссия таила в себе слишком много смертельных опасностей, и Ли Яньи беспокоилась, как бы Вэй Тинсюй не затаила на неё за это обиду. То, что Чжэнь Вэньцзюнь сама вызвалась пойти на этот шаг, было именно тем исходом, на который принцесса уповала сильнее всего, однако согласиться сразу, без лишних приличий, она не могла.

Ли Яньи состряпала на лице маску глубокой скорби:

- Сестрица Вэньцзюнь, я прекрасно понимаю, какие чувства бушуют в твоей душе, и ты в самом деле подходишь для этого дела лучше, чем кто-либо иной во всём мире. Но нам до безумия не хочется отпускать тебя в это пекло. Покушение на жизнь Ли Цзюя будет нешуточным делом. Каким бы ничтожным ни было его реальное влияние при дворе нынче, он всё же остаётся законным Сыном Неба Великой Юй. Известно ли тебе, какая кара грозит за убийство императора? За такое преступление полагается безжалостное истребление девяти поколений твоего рода...

- Ваше Высочество, из всей моей семьи в живых осталась я одна. Моя воля непреклонна, молю Ваше Высочество проявить милость и благословить этот шаг! - лазутчица упрямо перебила её. Упоминание об «истреблении рода» не просто не напугало её, оно всколыхнуло в её душе глухую, яростную злобу. Её матушка мертва, и в чувствах Чжэнь Вэньцзюнь больше не осталось ни единой живой души, которую она могла бы назвать близкой. А если смотреть на голые факты, то её истинное имя было А-Лай, и она является родной дочерью Се Тайхана. Если её замысел провалится и вскроется вся правда о её лазутческой миссии, кара об истреблении рода автоматически накроет и весь клан Се Фучэня.

Она люто, до скрежета зубов ненавидела Се Фучэня и весь его род. И независимо от того, удастся ли ей прикончить Ли Цзюя в этом походе или нет, голова Се Фучэня при любом раскладе гарантированно полетит с плеч. Она поклялась отомстить за мученическую кончину матушки, и если ценой её собственной жизни ей удастся вдребезги разнести и уничтожить весь проклятый клан Се, она без колебаний пойдёт на эту плаху!

Видя столь великую и непреклонную решимость в глазах девушки, Ли Яньи окончательно успокоилась душой. Теперь ей оставалось лишь повернуться к Вэй Тинсюй. Стоило госпоже дать добро, и дело можно было считать решённым.

Чжэнь Вэньцзюнь тоже устремила взор на Вэй Тинсюй, смиренно ожидая её согласия.

- Сестрица, - мягко и тихо заговорила Вэй Тинсюй. - С чего вдруг ты с такой настойчивостью рвёшься навстречу этой смертельной опасности? Неужели у тебя есть какая-то потаённая причина, из-за которой ты хочешь отправиться туда?

- Есть, - Чжэнь Вэньцзюнь прямо и не моргая посмотрела Вэй Тинсюй в глаза, и госпоже на

долю секунды показалось, будто в следующий миг лазутчица сорвёт покровы с какой-то колоссальной, страшной тайны.

Но Чжэнь Вэньцзюнь лишь твёрдо произнесла:

- Ради безопасности моей госпожи, ради сестрицы Линби и ради каждого человека, который стал для меня бесконечно дорог в этом мире, я обязана пойти.

Ли Яньи громко и заливисто рассмеялась:

- Сестрица Вэньцзюнь и правда полна безграничной преданности и нежной любви к нашей Цзычжо! Вэньцзюнь, я знаю, насколько ты умна, смышлена и одарена талантами, однако этот поход дело суровое, и все тяготы и лишения армейского похода на севере окажутся стократ тяжелее, чем способно нарисовать твоё воображение. Тебе надлежит быть готовой к самому худшему.

Вэй Тинсюй со скрытой пронизательностью и украдкой скользнула взглядом по сияющему от ликования лицу Ли Яньи.

- Нижайше благодарю Ваше Высочество за милость и заботу! Вэньцзюнь клянётся: я во что бы то ни стало исполню священную миссию и не посрамлю вашего доверия!

Чжэнь Вэньцзюнь покинула повозку. Ли Яньи уехала, а сама лазутчица, оседлав белого скакуна, поехала рядом, охраняя экипаж Вэй Тинсюй на пути в поместье.

Едва повозка покинула пределы глухого переулка, как они, к величайшей неожиданности, столкнулись нос к носу со свитой Се Фучэня.

Это был первый раз, когда Чжэнь Вэньцзюнь собственными глазами лицезрела легендарного великого сына.

Если бы Линби не шепнула ей тихонько на ухо, она ни за что в жизни не поверила бы, что этот статный, поразительно красивый мужчина, как раз собиравшийся подняться в свой экипаж, и есть тот самый изверг в человеческом обличье и её заклятый враг.

Чжэнь Вэньцзюнь окинула его леденящим взглядом. В его чертах и впрямь угадывалось смутное сходство с Се Тайханом, вот только Се Фучэнь был сложен куда изящнее и тоньше. Не знай она доподлинно, какими зверскими методами он тайно замучил её матушку и как безжалостно поднял руку на беззащитную, юную Вэй Тинсюй в прошлом, его можно было бы считать за благородного, высокообразованного мужа.

Настанет день, и я непременно отрублю твою собачью голову! – поклялась Чжэнь Вэньцзюнь в самой глубине своего сердца.

Повозка и всадники разминулись со свитой Се Фучэня. Чжэнь Вэньцзюнь уже отвела взор, однако Се Фучэнь, вопреки своим обыкновениям, повёл себя крайне странно. Его лицо неестественно застыло, и он никак не мог оторвать потрясённого взгляда от сидевшей на коне девицы.

- Кто... она такая? – глухо спросил Се Фучэнь у сопровождавшего его слуги.

Слуга почтительно ответил:

- Это доверенное лицо Вэй Цзычжо, девица из рода Чжэнь.
- Из рода Чжэнь? Чжэнь Вэньцзюнь?! - Се Фучэня будто громом поразило среди ясного неба, все черты его лица вмиг оцепенели, и лишь спустя долгое время он, словно в бреду, едва слышно пролепетал:
- Это она... Неужели это действительно она?..

<http://bllate.org/book/17227/1725314>